

ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМЫ КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА НА РУБЕЖЕ XX И XXI СТОЛЕТИЙ

ЦЫБАКОВ Дмитрий Леонидович, доктор политических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Академии гражданской защиты Министерства РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС России), e-mail: d413839@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются трансформации системы коллективной безопасности на пространстве бывшего СССР в период 1990-х – 2000-х гг.

Автор анализирует этапы эволюции формирования институциональной и концептуальной основ обеспечения стратегических интересов России и ее союзников в многополюсном мире.

Выделяются и оцениваются такие периоды функционирования коллективной безопасности, как доминирование в этой сфере институтов СНГ, формирование Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), преобразование ОДКБ в многофункциональный субъект поддержания международной стабильности. Определяются предпосылки и условия расширения сферы ответственности ОДКБ. Итогом чего стало переформатирование этого объединения из классического военно-политического союза в региональную организацию безопасности нового типа.

Ключевые слова: постсоветское пространство, коллективная безопасность, региональная безопасность, Договор о коллективной безопасности, СНГ, НАТО, ОДКБ.

Для цит.: Цыбаков Д. Л. Эволюция системы коллективной безопасности постсоветского пространства на рубеже XX и XXI столетий // Среднерусский вестник общественных наук. 2022. - Том 17. - №2: С. 42-53.

EVOLUTION OF THE COLLECTIVE SECURITY SYSTEM OF
THE POST-SOVIET SPACE AT THE TURN OF THE XX AND XXI CENTURIES

TSYBAKOV D. L., Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of State and Municipal Administration of the Academy of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of Russia (Russian Federation, Moscow), e-mail: d413839@yandex.ru

Abstract. The article deals with the transformation of the collective security system in the former USSR in the 1990s-2000s.

The author analyzes the stages in the evolution of the formation of the institutional and conceptual foundations for ensuring the strategic interests of Russia and its allies in a multipolar world. Some periods of collective security functioning are singled out and evaluated, such as the dominance of the CIS institutions in this area, the formation of the Collective Security Treaty Organization, the transformation of the CSTO into a multifunctional subject of maintaining international stability.

The prerequisites and conditions for expanding the sphere of responsibility of the CSTO are determined, which resulted in the reformatting of this association from a classic military-political union into a regional security organization of a new type.

Keywords: post-Soviet space, collective security, regional security, Collective Security Treaty, CIS, NATO, CSTO.

For citations: Tsybakov, D.L. (2022) Evolution of the collective security system of the post-Soviet space at the turn of the XX and XXI centuries// Central Russian Journal of Social Sciences. volume 17, Issue 2. P.42-53

Введение

На протяжении 1990-х – начала 2000-х гг. формировались общие принципы защиты стратегических интересов России в ее ближнем зарубежье, происходило структурирование субъектного состава будущей системы коллективной безопасности. Заметим, что после подписания в столице Узбекистана Договора о коллективной безопасности 1992 г. предпринимались попытки использования для его реализации потенциала Содружества Независимых Государств. Согласно этому соглашению опорой для поддержания

международной стабильности на пространстве бывшего СССР предназначалось стать органам и институтам Содружества Независимых Государств. В договоре имелись прямые отсылки к использованию оборонного потенциала и структуры управления СНГ для согласования политико-военных стратегий новых независимых государств и реагирования на вероятные угрозы извне. Предполагалось присутствие в составе будущего Совета коллективной безопасности, наряду с главами государств-участников, командующего Объединенными вооруженными силами СНГ. Текст договора предписывал, что координацию политики безопасности бывших союзных республик должно будет осуществлять командование Объединенных вооруженных сил Содружества [11].

Непоследовательность позиций относительно принципов деятельности будущей организации со стороны постсоветских государств и их правящих элит, несовершенство каналов политических коммуникаций между ними привели к перманентному обновлению субъектного состава участников ДКБ, имевшему место на протяжении 1990-х гг. Так, в 1993 г. к договору присоединились Азербайджан, Белоруссия и Грузия. Однако спустя пять лет, в 1999 г., две указанные закавказские республики, а также Узбекистан покинули круг участников соглашения. Причиной неустойчивости интеграции в сфере обороны и безопасности в научной среде чаще всего называют отказ от военно-политического сотрудничества с Россией как условие доказательства прозападной ориентации постсоветских элит, что в целом может быть принято близким к истине [13, С. 42].

Поддержим мнение, согласно которому у каждого из государств, сохранивших вектор на сотрудничество с Россией в сфере региональной безопасности, имелся для этого свой специфический мотив [6, С. 51-61]. Для Казахстана таковым выступал вопрос сохранения контроля над населенным русскими севером республики, Армении требовалась поддержка России для удержания за собой Нагорного Карабаха, Таджикистан был погружен в пучину гражданской войны, а Белоруссия не имела шансов для стабильного социально-экономического развития без всестороннего союза с Российской Федерацией. Причем по многим вопросам обороны и безопасности практически все страны-союзники в период государственной суверенизации предпочитали свою узко понимаемую автономию выработке единого курса в новых интеграционных объединениях.

Кроме того, пребывание в числе подписантов ДКБ в первой половине 1990-х гг. ряда государств, позднее покинувших это соглашение, можно объяснить стремлением использовать возможности институтов СНГ как инструмента возвращения неподконтрольных конфликтных регионов – Абхазии, Южной Осетии, Нагорного Карабаха.

Стратегической целью Ташкентского соглашения 1992 г. провозглашалось создание условий для отказа от использования вооруженной силы в решении проблем международных отношений. Таким образом, традиционный военно-политический союз/альянс, провозглашенный согласно до-

говору 1992 г. большинством стран СНГ, теперь трансформировался в компонент будущей новой структуры безопасности в панъевропейском масштабе. В контексте чего следует рассматривать готовность России и ее союзников к сотрудничеству с Североатлантическим альянсом через проект «Партнерство во имя мира».

В последнем с очевидных на сегодняшний день идеалистических позиций усматривался иллюзорный противовес процессу расширения НАТО на Восток. Причем фундаментом будущей всеевропейской структуры военно-политического взаимодействия называлась политика Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, в развитие чего Концепция коллективной безопасности от 1995 г. поддерживала установление и развитие отношений партнерства с Организацией Североатлантического договора, другими военно-политическими организациями и региональными структурами безопасности, целью чего называлось политика по укреплению мира.

Отметим, что, несмотря на формирование развернутой доктринальной базы поддержания коллективной безопасности в ареале СНГ, к концу 1990-х годов назрел серьезный кризис между участниками Ташкентского соглашения, когда из состава подписантов ДКБ вышли Азербайджан, Грузия и Узбекистан. В результате стал вопрос о дальнейшем существовании еще до конца не сформированной системы коллективной безопасности в ближнем зарубежье России.

Следует указать, что в научной литературе существует достаточно развернутый и обоснованный набор аргументации относительно мотивации политических элит новых независимых государств, в 1999 г. принявших решение выйти из соглашения о коллективной безопасности 1992 г. [8, С. 26-39]. На основе чего обобщим, что существенную роль в наметившемся в конце 1990-х гг. кризисе системы коллективной безопасности стран СНГ сыграли разногласия государств-участников относительно характера сотрудничества с Североатлантическим альянсом: практически все из них выказывали намерения содействовать «Программе во имя мира», тогда как российское руководство уже в рассматриваемый период усматривало в этом проекте преимущественно деструктивный потенциал [7]. Кроме того, свою роль в эрозии единого пространства безопасности со второй половины 1990-х гг. играло и стремление евроатлантических институтов реализовать патронируемые проекты региональной безопасности СНГ без участия Российской Федерации [15]. Именно под эгидой США и НАТО предпринимались попытки создать такие объединения, как ГУУАМ – организация с участием Грузии, Украины, Узбекистана, Азербайджана, Молдавии, а также американо-азербайджанско-грузинско-турецкого проекта в сфере безопасности «Каспийский страж»/«Программа безопасности Каспия» [5].

Знаковые события на постсоветском пространстве, в первую очередь война 2008 г., показали, что ограниченность реальных возможностей не позволяет ГУАМ и «Каспийскому стражу» выступить в качестве реальных интегративных структур безопасности нового типа. От участия в ней отказались госу-

дарства – члены Договора о коллективной безопасности, а упования прозападных политиков на помощь НАТО и ЕС и на кризис интеграционных стратегий с участием России оказались оторваны от реальности. Попытки создания ГУАМ не привели к появлению на пространстве СНГ объединения в сфере коллективной безопасности, способного выступать в качестве альтернативы формирующемуся ОДКБ.

Однако и формирование системы коллективной безопасности с участием Российской Федерации происходило весьма непросто. Вполне обоснованным представляется мнение К. Ю. Голуба, оценивающего сотрудничество в рамках Договора о коллективной безопасности 1992 г. как «декларативное взаимодействие» [2]. Причиной тому может быть названа в первую очередь иллюзорность опасности внешней агрессии для стран СНГ на протяжении 1990-х гг. То есть главная официальная цель создания системы коллективной безопасности – подготовка к отражению военного вторжения извне – на деле не являлась актуальной для международной обстановки и не воспринималась в качестве приоритета совместной политики новых независимых государств СНГ.

Кроме того, не предпринималось попыток формирования институциональной подсистемы коллективной безопасности, когда относимые к сфере ее компетенции практические задачи на практике отводились координирующим органам Содружества Независимых Государств.

В свою очередь, актуальность сохранения и укрепления институтов коллективной безопасности на постсоветском пространстве воспринималась, прежде всего, государствами, оказавшимися в ситуации политической конфронтации с Западом или столкнувшимися с угрозой исламского фундаментализма и терроризма. На рубеже XX – XXI столетий основным театром активности структур ДКБ становится регион Центральной Азии, где происходит дестабилизация ситуации в связи с укреплением в Кабуле режима талибов. В интервале 1999–2000 гг. происходит ряд вторжений формирований фундаменталистов на территорию Киргизии и Узбекистана.

Поэтому в указанный период большинство участников соглашения преодолели последствия кризиса системы коллективной безопасности, детерминированного выходом из Ташкентского пакта таких государств, как Грузия, Азербайджан и Узбекистан. Попытку новой военно-политической интеграции в рамках СНГ имеет смысл связывать с нарастанием исламского фундаментализма на Кавказе и в Средней Азии, а также с последствиями агрессии НАТО против Югославии. Кроме того, всё возрастающее значение приобретала задача противодействия новым вызовам и угрозам региональной и глобальной безопасности. В качестве примера назовем упоминание в Минском меморандуме 2000 г. намерения принципиально изменить подход к организации борьбы с международным терроризмом со стороны стран – участников Договора о коллективной безопасности.

Другими достижениями этапа преодоления кризиса системы коллективной безопасности 1999–2001 гг. эксперты называют модернизацию коорди-

национных институтов органов ДКБ – Совета министров иностранных дел, Совета министров обороны, Комитета секретарей советов безопасности, Секретариата Совета коллективной безопасности [10, 3, 1].

Однако серьезной проверкой на прочность системы коллективной безопасности с участием России стала необходимость реакции на начало операции коалиции во главе с США против режима «Талибан»¹ в 2001 г. В нарушение пунктов Минского меморандума соглашения конкретных государств СНГ о военном сотрудничестве с США и их союзниками достигались на двусторонней основе, помимо чего имелось несоответствие между нормативными базами государств – участников соглашения: в Концепциях национальной безопасности и Российской Федерации, и Белоруссии признавалось наличие вызовов со стороны политики НАТО, тогда как аналогичные документы их союзников по соглашению не упоминали о неприятии «восточной политики» Североатлантического альянса.

Несомненным началом нового этапа формирования системы коллективной безопасности можно назвать 2002 г., когда был обнародован комплекс решений о создании на базе договора 1992 г. полноценной международной региональной организации в сфере обеспечения безопасности. 7 октября 2002 года в молдавской столице государства-участники подписали устав и заключили Соглашение об образовании ОДКБ. В последующем, на протяжении первого десятилетия XXI века, имели место расширение функциональных задач и увеличение состава структурной организации вновь созданного объединения. Важной вехой назовем принятие 16 ноября 2006 года председателями парламентов стран – членов ОДКБ постановление о создании Парламентской ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности.

Если в период существования Договора о коллективной безопасности в 1990-е гг. приоритетом для стран-участников выступало, прежде всего, укрепление связей между национальными институтами обеспечения безопасности, то в 2003–2004 гг. артикулируется заинтересованность в наращивании диалога с евроатлантическими и панъевропейскими организациями, декларировалось сотрудничество в деле поддержания безопасности в масштабах международного сообщества [4].

Отметим несомненную причинно-следственную связь между «восточной политикой» США и «единой Европы» и новыми инициативами ОДКБ. Как известно, на начало 2000-х гг. приходится целенаправленное продвижение Североатлантического альянса в ареал геополитических интересов Организации Договора о коллективной безопасности [9], ввиду чего в начале 2000-х гг. актуализируется задача формирования единых консолидированных подходов членов ОДКБ в рамках их присутствия в международных организациях. Позитивным моментом рассматриваемого периода назовем установление регулярных контактов между Секретариатом и ПА ОДКБ и ве-

¹ запрещено в РФ как террористическое

дущими международными организациями в сфере глобальной и региональной безопасности – ООН, ШОС, ОБСЕ. Исключением в деле налаживания коммуникаций с международными организациями безопасности следует признать отказ Парламентской ассамблеи НАТО от предложения об установлении партнерских отношений с аналогичным представительским институтом Организации Договора о коллективной безопасности в период 2004–2007 гг.

Таким образом, эволюция системы коллективной безопасности на постсоветском пространстве на протяжении 1990-х – в начале 2000-х гг. была предопределена следующими факторами:

- расширением влияния надгосударственных акторов, НАТО и ОДКБ, на фоне неустойчивости государственного суверенитета бывших союзных республик;
- эрозией международного права и регулятивных инструментов региональной безопасности;
- размежеванием геополитических ориентаций стран СНГ, что не позволило создать к началу XXI столетия эффективную систему коллективной безопасности с их участием;
- формированием широкого спектра новых вызовов и угроз национальной и коллективной безопасности.

Согласно авторской позиции именно потребность в совместном противодействии вызовам и опасностям «нового типа» предопределила реформатирование ОДКБ из классического военно-политического союза в многофункциональный субъект в сфере международной безопасности.

В 2006 г. в Декларации государств – членов ОДКБ она впервые провозглашалась «многофункциональной структурой безопасности». Тем самым преодолевался существовавший с момента подписания Ташкентского соглашения 1992 г. подход, согласно которому приоритетом союзного объединения являлась в первую очередь оборонная/военная безопасность.

Если в период 1992–2000 гг. незавершенность структурной организации и институциональных механизмов объединения постсоветских республик на основе ДКБ имела следствием лишь ситуативное взаимодействие между ними, то оформление международной организации в сфере региональной безопасности открывало новые возможности по формированию коллективной стратегии отстаивания интересов России и ее союзников на пространстве бывшего СССР.

В то же время эволюция системы коллективной безопасности в постсоветском геополитическом регионе пребывала в прямой зависимости от трансформаций международных отношений на пространстве бывшего СССР и за его пределами. Системными факторами мировой политики в ареале СНГ стали такие феномены, как радикальный национализм, религиозный экстремизм, террористическая угроза. Доминирующей формой политической дестабилизации в странах пространства бывшего СССР стали этноконфессиональные и межклановые противоречия, в крайнем выраже-

нии проявляющиеся в форме вооруженных конфликтов. Отметим, что изначальная компетенция ОДКБ не охватывала задач по урегулированию внутренних конфликтов и кризисов политических отношений в государствах-участниках.

События на рубеже XX и XXI столетий показали отставание доктринальных основ политики коллективной безопасности ОДКБ от реальных проблем международных отношений на постсоветском пространстве. Однако интернационализация межнациональных конфликтов, имевшая место, прежде всего, в центральноазиатском ареале СНГ, закономерно концентрировала внимание институтов коллективной безопасности на прецедентах сращивания религиозного фундаментализма и международного терроризма.

Однако существующее на начало 2000-х гг. понимание сфер ответственности Организации Договора о коллективной безопасности не учитывает всей полноты конфликтогенного потенциала постсоветского пространства. Обратим внимание на то, что на 2004–2005 гг. приходится существенное обострение ситуации в центральноазиатском секторе ответственности ОДКБ. Со всей очевидностью ее следует расценивать в контексте первой волны так называемых цветных революций, охвативших в указанное время ближнее зарубежье России.

Рубежным этапом в процессе эволюции коллективной безопасности ОДКБ назовем подписание в Москве в декабре 2010 г. полномочными представителями государств – участников ОДКБ комплекса документов¹. Ими уточнялся перечень вероятных угроз безопасности постсоветского пространства и определялись новые направления обеспечения коллективных интересов организации. Наиболее важным из изменений стала легализация использования инструментов ОДКБ для разрешения внутрисостоятельных кризисов. Кроме того, документы 2010 г. содержали принципиальный отказ от правила консенсуса при принятии стратегических решений организации. Отныне таковые могли приниматься простым большинством участников совещаний Совета коллективной безопасности, когда от государств-членов, прямо не участвующих в конфликтной ситуации, отныне требовалось только отсутствие публично заявленного протеста против принятого решения.

Набор компетенционных задач ОДКБ был продублирован в принятой в 2016 г. «Стратегии коллективной безопасности ОДКБ на период до 2025 г.». В ее тексте появляется и легитимируется понятие транснациональных вызовов и угроз. К таковым, помимо уже традиционных терроризма, экстремизма, наркотизации, незаконной миграции и чрезвычайных ситуаций, те-

¹ Протокол о внесении изменений в Договор о коллективной безопасности от 15 мая 1992 г., Протокол о внесении изменений в Устав Организации Договора о коллективной безопасности от 7 октября 2002 г., решения «О Положении о порядке реагирования на кризисные ситуации Организации Договора о коллективной безопасности» и «О внесении изменений в Правила процедуры органов Организации Договора о коллективной безопасности» и ряд других.

перь официально были причислены угрозы информационной безопасности и государственным границам [12].

Стратегическая цель ОДКБ, зафиксированная в доктринальных документах 2016 г., непосредственно связывала обеспечение коллективной безопасности с многосторонним партнерством государств – участников объединения. Ключевым направлением реализации «Стратегии коллективной безопасности 2016 г.» провозглашалось создание **системы кризисного реагирования союзного объединения**. Ее формирование связывалось с наличием таких угроз, как подрыв политической стабильности, нарушение территориальной целостности и суверенитета стран – союзников по ОДКБ [14].

С этого момента сферами ответственности организации стали такие направления, как борьба с наркоторговлей, террористической опасностью, трансграничной организованной преступностью, техногенными чрезвычайными ситуациями и катастрофами.

В качестве заключения отметим, что эволюция системы коллективной безопасности постсоветского пространства на рубеже XX – XXI столетий привела к совмещению в ее деятельности нескольких компонентов. Во-первых, стратегической целью организации продолжает оставаться обеспечение коллективной обороны, защита от потенциальных военных угроз, ретранслируемых извне. Во-вторых, после принятия концептуальных актов периода 2006–2016 гг. сделан акцент на концентрации усилий институтов коллективной безопасности, на борьбе с вызовами и угрозами нового типа, где ведущая роль отводится взаимодействию органов государственной безопасности, правоохранительных и пограничных ведомств. В-третьих, в приоритете – политическое взаимодействие государств – участников ОДКБ в деле урегулирования вероятных кризисных ситуаций в новых независимых государствах СНГ.

Показателем своевременности принятых в 2006–2016 гг. стратегических решений назовем увеличение способности ОДКБ реагировать на дестабилизацию политической ситуации в ареале своей ответственности. В начале третьего десятилетия XXI столетия практически все страны – участники Договора о коллективной безопасности 1992 г. столкнулись с системными кризисами властных отношений, обусловленными как внутренними факторами, так и деструктивным внешним воздействием. Успешным опытом противодействия угрозе политической стабильности в ближнем зарубежье России назовем проведение первой в своем роде миротворческой операции сил ОДКБ в Казахстане в январе 2022 г. Дальнейшая трансформация функций и предназначения системы коллективной безопасности постсоветского пространства будет определяться последствиями и итогами конфронтации Запад – Россия, возникшей на фоне кризиса вокруг Украины 2013–2022 гг.

Библиография/References:

1. Бордюжа Н.Н. Организация Договора о коллективной безопасности – надежный инструмент в борьбе с терроризмом на евразийском пространстве // Международное публичное и частное право. – 2007. – № 3.
2. Голуб К.Ю., Голуб Ю.Г. ОДКБ: истоки многопрофильного мандата и современные инструменты его реализации // Вестник международных организаций. – 2018. – Т. 13. – № 1. – С. 193–203.
3. Гуриева Э.Г., Ковалев А.А. Институциональные основы борьбы с терроризмом в рамках Содружества Независимых Государств // Юрист-международник. – 2004. – № 3.
4. Динамизм развития ОДКБ: к вопросу о перспективе диалога НАТО – ОДКБ: интервью с советником министра обороны Армении [Электронный ресурс] // Организация Договора о коллективной безопасности. – URL: <http://www.odkb.gov.ru/f/azl.htm> (дата обращения: 07.12.2020).
5. Добаев И., Дугин А. Геополитические трансформации в кавказско-каспийском регионе Центральная Азия и Кавказ. – 2005. – № 5 (41). – С. 90–99.
6. Карабешкин Л.А. Внешнеполитические стратегии постсоветских стран и политика России // Евразийская экономическая интеграция. – 2012. – № 2 (15). – С. 51–61.
7. Караваев А. Что делать с ОДКБ: есть ли перспектива расширения программ организации? [Электронный ресурс] Политком.ру: информационный сайт политических комментариев. – 2017. – 14 марта. – URL: <http://politcom.ru/22186.html> (дата обращения: 15.06.2021).
8. Лякин-Фролов И. ОДКБ гарантирует безопасность в Евразии. К 10-летию образования Организации // Международная жизнь. – 2012. – № 5. – С. 26–39.
9. Меликян Г.Г. Сравнительный анализ военно-стратегических концепций НАТО и ОДКБ: общее и особенное. Общество: политика, экономика, право. – 2021. – № 1 (90). – С. 42–46.
10. Николаенко В. Д. Проблемы и перспективы Договора о коллективной безопасности // Дипломатический вестник. – М., 2003. – С. 114.
11. Постановление Президиума Верховного Совета Российской Федерации «О Договоре о коллективной безопасности. [Электронный ресурс] – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=0&nd=102018562. (дата обращения: 22.01.2022).
12. Стратегия коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 // Документы по вопросам формирования и функционирования системы коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности. – 2017. – Вып. 17. – С. 147–158.
13. Толстов С. Феномен ГУАМ: опыт структуры регионального сотрудни-

чества и перспективы в статусе международной организации. Центральная Азия и Кавказ. – 2008. – № 3-4 (57-58). – С. 36-50.

14. Устав Организации Договора о коллективной безопасности от 7 октября 2002 года в редакции Протокола о внесении изменений в Устав Организации Договора о коллективной безопасности от 10.12.2010 года // Документы по вопросам формирования и функционирования системы коллективной безопасности государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности. – Выпуск № 11. – М., 2011. – С. 191-192.

15. Языкова А. Саммит ГУАМ: намеченные цели и возможности их реализации // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. – 2005. – № 16. – С. 10-13.

1. Bordyuzha, N. N. (2007) Organizaciya Dogovora o kollektivnoj bezopasnosti – nadezhnyj instrument v bor'be s terrorizmom na evrazijskom prostranstve [The Collective Security Treaty Organization is a reliable tool in the fight against terrorism in the Eurasian space] // Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe parvo [International Public and Private Law]. – № 3. (In Russ.)

2. Golub, K.YU., Golub YU.G. (2018) ODKB: istoki mnogoprofil'nogo mandata i sovremennye instrumenty ego realizacii [CSTO: the origins of a multidisciplinary mandate and modern tools for its implementation] // Vestnik mezhdunarodnyh organizacij. – Т. 13. – № 1. – С. 193-203. (In Russ.)

3. Gurieva, E. G., Kovalev A. A. (2004) Institucional'nye osnovy bor'by s terrorizmom v ramkah Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv [Institutional foundations of the fight against terrorism within the Commonwealth of Independent States] // YUrist-mezhdunarodnik [Lawyer-International]. – № 3. (In Russ.)

4. Dinamizm razvitiya ODKB: k voprosu o perspektive dialoga NATO – ODKB: interv'yu s sovetnikom ministra oborony Armenii [Elektronnyj resurs] [Dynamism of the CSTO development: on the issue of the prospect of a NATO–CSTO dialogue: an interview with the Adviser to the Minister of Defense of Armenia [Electronic resource]] // Organizaciya Dogovora o kollektivnoj bezopasnosti [Collective Security Treaty Organization]. – URL: <http://www.odkb.gov.ru/f/azl.html> (data obrashcheniya: 07.12.2020). (In Russ.)

5. Dobaev, I., Dugin A. (2005) Geopoliticheskie transformacii v kavkazsko-kaspijskom regione [Geopolitical transformations in the Caucasus-Caspian region Central Asia and the Caucasus]. – № 5 (41). – С. 90-99. (In Russ.)

6. Karabeshkin, L.A. (2012) Vneshnepoliticheskie strategii postsovetskih stran i politika Rossii [Foreign policy strategies of post-Soviet countries and the politics of Russia] // Evrazijskaya ekonomicheskaya integraciya [Eurasian Economic Integration]. – № 2 (15). – С. 51-61. (In Russ.)

7. Karavaev, A. (2017) CHto delat' s ODKB: est' li perspektiva rasshireniya programm organizacii? [Elektronnyj resurs] Politkom.ru: informacionnyj sajt

politicheskikh kommentariiev [What to do with the CSTO: is there a prospect of expanding the organization's programs? [Electronic resource] Politkom: information site of political commentaries]. – 14 marta. – URL: <http://politkom.ru/22186.html>(data obrashcheniya: 15.06.2021). (In Russ.)

8. Lyakin-Frolov, I. (2012) ODKB garantiruet bezopasnost' v Evrazii. K 10-letiyu obrazovaniya Organizatsii [The CSTO guarantees security in Eurasia. To the 10th anniversary of the Organization's formation] // Mezhdunarodnaya zhizn' [International life]. – № 5. – P. 26-39. (In Russ.)

9. Melikyan, G.G. (2021) Cravnitel'nyy analiz voenno-strategicheskikh koncepcij NATO i ODKB: obshchee i osobennoe. Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo [Comparative analysis of the military-strategic concepts of NATO and the CSTO: general and special. Society: politics, economics, law]. – № 1 (90). – P. 42-46. (In Russ.)

10. Nikolaenko, V.D. Problemy i perspektivy Dogovora o kollektivnoy bezopasnosti [Problems and prospects of the Collective Security Treaty] // Diplomatichestkiy vestnik [Diplomatic Bulletin]. – M., 2003. – P. 114. (In Russ.)

11. Postanovlenie Prezidiuma Verhovnogo Soveta Rossijskoj Federatsii «O Dogovore o kollektivnoy bezopasnosti [Resolution of the Presidium of the Supreme Soviet of the Russian Federation "On the Collective Security Treaty]. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=0&nd=102018562 (data obrashcheniya 22.01.2022). (In Russ.)

12. Strategiya kollektivnoy bezopasnosti Organizatsii Dogovora o kollektivnoy bezopasnosti na period do 2025. [Collective security strategy of the Collective Security Treaty Organization for the period up to 2025] // Dokumenty po voprosam formirovaniya i funkcionirovaniya sistemy kollektivnoy bezopasnosti Organizatsii Dogovora o kollektivnoy bezopasnosti, 2017. – № 17. – P. 147-158. (In Russ.)

13. Tolstov, S. (2008) Fenomen GUAM: opyt struktury regional'nogo sotrudnichestva i perspektivy v statuse mezhdunarodnoj organizatsii. Central'naya Aziya i Kavkaz [The phenomenon of GUAM: the experience of the structure of regional cooperation and prospects in the status of an international organization. Central Asia and the Caucasus]. – № 3-4 (57-58). – P. 36-50. (In Russ.)

14. Ustav Organizatsii Dogovora o kollektivnoy bezopasnosti ot 7 oktyabrya 2002 goda v redakcii Protokola o vnesenii izmenenij v Ustav Organizatsii Dogovora o kollektivnoy bezopasnosti ot 10 dekabrya 2010 goda // Dokumenty po voprosam formirovaniya i funkcionirovaniya sistemy kollektivnoy bezopasnosti gosudarstv - chlenov Organizatsii Dogovora o kollektivnoy bezopasnosti. – № 11. – M., 2011. – P. 191-192. (In Russ.)

15. Yaz'kova, A. (2005) Sammit GUAM: namechennyye celi i vozmozhnosti ih realizatsii [Yazkova A. GUAM Summit: the intended goals and opportunities for their implementation] // Evropejskaya bezopasnost': sobytiya, ocenki, prognozy [European security: events, estimates, forecasts]. – № 16. – P. 10-13. (In Russ.)